

ББК 83.3 (3)
УДК 821.111

*К. С. Нетьяга, В. А. Лопатина
K. Netyaga, V. Lopatina
г. Магнитогорск, ГАПОУ ЧО «Политехнический колледж»
Magnitogorsk, SAPEI CR Politechnical College*

**МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ ВИКТОРИАНСТВА В РОМАНЕ «ПРОЦЕСС
ЭЛИЗАБЕТ КРИ» ПИТЕРА АКРОЙДА
MYTHS AND REALITY OF VICTORIAN ERA IN THE NOVEL BY PETER
ACKROYD «THE TRIAL OF ELIZABETH CREE»**

Аннотация: В статье рассматривается роман П. Акройда «Процесс Элизабет Кри» с точки зрения викторианских ценностей. Анализируется образ Лондона, традиции и обычаи англичан в эпоху правления королевы Виктории в контексте английского постмодернизма.

Ключевые слова: викторианство; неовикторианский роман; английский постмодернизм; историографический метароман; викторианский Лондон.

Abstract: In this article it is considered the novel by Peter Ackroyd «The Trial of Elizabeth Cree», from the standpoint of Victorian values. It is analysed the image of London, traditions and customs of Englishmen in the period of Queen Elisabeth's reign in the context of English postmodernism.

Keywords: Victorian era; a neo-Victorian novel; English postmodernism; historiographic metafiction; Victorian London.

Питер Акройд (Peter Ackroyd, 5.10.1949) – английский современный писатель, который завоевал широкую популярность у читателей и пользуется признанием критики в качестве ведущего представителя английского постмодернизма. В своих произведениях писатель детально воссоздает образ викторианской эпохи, вводя в современную литературу темы и культурные аспекты, свойственные для Англии XIX в. Питер Акройд старательно воссоздает материальный и духовный облик эпохи в своих произведениях, а также ту художественную модель, которая была принята в литературе второй половины XIX века. В то же время он производит деконструкцию основных элементов викторианского художественного мышления с помощью пародийного переосмысления ряда характерных для викторианской литературы сюжетных мотивов и тем.

Интерес к викторианской эпохе, принявший в конце XX в. в Великобритании характер культурной тенденции, привел к появлению нового литературного жанра – неовикторианского романа.

«Процесс Элизабет Кри» – сложный постмодернистский текст с несколькими уровнями прочтения. С одной стороны, это неовикторианское произведение, в котором художественная версия событий связана с преступлениями Джека-Потрошителя, но с другой – это и историографическое исследование Лондонской

жизни конца XIX века. Уже с первых страниц романа мы можем наблюдать викторианские аспекты английского общества XIX в.

Так, произведение начинается с публичной казни. «Шестого апреля 1881 года во дворе Камберуэллской тюрьмы в Лондоне была повешена женщина. Казнь, как повелось, назначили на восемь часов утра, и сразу после рассвета другие заключенные подняли ритуальный вой» [1, с. 5].

Именно в данную эпоху публичные казни были скромными, но достаточно показательными. Именно к XIX в. относятся самые массовые по зрителям повешения.

Королева Виктория была очень «экономной хозяйкой» в своей стране. Именно в эпоху ее правления экономия в хозяйстве, порицание расточительности стали основополагающими аспектами английского общества. П. Акройд с особым сарказмом подчеркивает эту черту характера англичан на страницах своей книги. «Во времена публичных казней существовал обычай рвать платье преступника на клочки и продавать их собравшейся толпе как сувениры или волшебные талисманы. Но поскольку уже настала эпоха безраздельного господства частной собственности, балахон сняли с трупа повешенной с великим почтением. Позднее в тот же день надзирательница женских камер принесла его в кабинет начальника тюрьмы мистера Стивенса, и тот взял его у нее из рук, не сказав ни слова. <...> как только надзирательница вышла из кабинета и закрыла за собой дверь, мистер Стивенс тщательно сложил белый балахон и спрятал его в кожаный саквояж, стоявший позади его письменного стола. Вечером в своем маленьком доме на Хорнси-райз он бережно вынул его из саквояжа, поднял над головой и надел на себя. Под балахоном на нем ничего не было; вздохнув, он улегся на ковер в одеянии повешенной женщины» [1, с. 7].

Упрощается и сам ритуал смертной казни: из массового спектакля она превращается просто в массовое скопление народа, где достаточно быстро и скромно вешают преступников. «Возможность сыграть в столь эффектном спектакле была у нее отнята прогрессивным законодательством 1868 года. Так что ей предстояло умереть частным порядком, по-средневикториански, в деревянном строении, где еще не выветрился запах плотницкого пота. Из атрибутов мрачной символики был сохранен только гроб, с умыслом помещенный в таком месте тюремного двора, что она непременно должна была остановиться на нем взгляд по пути к смерти» [1, с. 6].

Частная собственность в эпоху правления королевы Виктории стала занимать ведущее место в сознании среднего класса. Именно в XIX в. появляется множество лавочек, кафе, ресторанов, торговых павильонов на улицах Лондона. В данную эпоху, как свидетельствует П. Акройд, появились прототипы современных «секонд хендов», где покупали одежду бедняки.

«Да, сэр, конечно, тут имеется много платьев разных фасонов. Эти, например, вполне еще смотрятся. Он показал жестом на вешалки со старомодными обносками; я наклонился, чтобы вдохнуть их запах. Какую же затхлую плоть облегало это тряпье!» [1, с. 45].

Особо выразительно П. Акройд показывает мнимую набожность викторианской эпохи. Мать Элизабет родила ее вне брака, что по моральным устоям XIX в.

считалось высшей формой грехопадения. Всю жизнь Элизабет страдала от нападок своей матери, которая ненавидела ее, считая, что она напоминает ей о ее грехах. Мать пыталась замолить свои грехи, и ее чрезмерная жертвенность и религиозность совершенно не сочетались с ее поведением. Элизабет вспоминает о своей матери: «Я была горьким плодом ее чрева, внешним знаком внутренней порчи, порождением распутства, символом грехопадения <...> то она кричит: «Прости, Господи, мои прегрешения!», то, миг спустя: «Какое умиление, какой восторг!» Она и меня таскала с собой в эту часовню; все, что помню, – как дождь стучал по крыше и как мы распевали гимны по молитвеннику Уэсли. <...> раз я водрузила ткань себе на голову, но мать шлепнула меня и сказала, что это непристойно. Уж у нее-то был опыт по непристойной части; шлюха – шлюха и есть, хоть бы она и трижды раскаялась <...> стены наших двух комнат были бы совершенно голыми, если бы мать не оклеила их страницами из Библии. Страницы покрывали их сплошь, почти без промежутков, и с самого раннего детства перед глазами у меня стояли одни слова» [1, с. 15].

В то время высоко ценилась в культуре характеристика «английскость»: были сформированы культурные традиции, «изобретены» образцы в национальном театре, системе образования, восприятии национальной истории, «правильном английском языке» (standard English). Определенный снобизм и чопорность англичан по отношению к другим национальностям, населяющим Великобританию, сохраняются до сих пор. П. Акройд в своем романе также не выпускает это из виду. Он подчеркивает особенность и превосходство англичан над шотландцами и ирландцами, пусть не на уровне теории, но в отдельных негативных высказываниях. В стилизованном дневнике Элизабет Кри звучит такая мысль: «Впрочем, еврейскую вонь я еще могу терпеть, но вот запах ирландца, густой и тяжелый, как запах испорченного сыра, совершенно невыносим» [1, с. 39].

Викторианская Англия в романе раскрывается во многом в описании жизни и быта Лондона. Питер Акройд с особым натурализмом показывает как нищие кварталы Лондона, так и достаточно благополучные районы. Именно в Викторианскую эпоху блеск богатой роскоши благополучных кварталов соединялся с нищетой и грязью лондонских низов.

Одним из приемов создания исторически реального Лондона является основа повествования, то есть серия чудовищных убийств в Лондоне во второй половине 1888 года, совершенных маньяком, известным под прозвищем Джека-Потрошителя. «Убийства так и не были раскрыты, что дает право П. Акройду создать свой вариант постмодернистской криптоистории, иллюзию раскрытия тайны всемирно известного преступления» [2, с. 299].

Введение в роман исторических персонажей, образов знаменитых писателей (Дж. Гиссинга, Ч. Диккенса, О. Уайльда), философов (Карла Маркса), актеров (Д. Лино, Ч. Чаплина, Д. Гримальди) также является одним из средств создания исторического колорита.

В викторианском Лондоне, который с полным правом можно назвать «городом контрастов», изящество построек сочеталось с ужасающими вонью, антисанитарией и грязью. Чудовищные запахи, исходившие от переполненных сточных ям (в начале царствования Виктории они располагались практически под

каждым домом), из дубильных и красильных мастерских, от бесчисленных животных, содержащихся в те времена в городе, беспокоили не только бедняков, но и богачей. Даже королевская семья не избежала общих неудобств: так называемое Великое зловоние, приключившееся в 1858 году вследствие коллапса всей канализационной системы Лондона, вынудило королеву, ее супруга и детей в панике бежать из города. «Представление кончилось. Когда шаркающая толпа зрителей вынесла ее на улицу, это было словно изгнание во тьму из какого-то светлого мира <...> она медленно двинулась вдоль речного берега, где всю хозяйничали крысы и „жаворонки нечистот“. Трое мальчишек что-то тащили из воды, но даже к этому зрелищу она осталась равнодушна после восхитительного представления на Крейвен-стрит» [1, с. 33].

Несмотря на строгие викторианские нравы, П. Акرويد детально изображает разгул преступности и проституции в Лондоне. До замужества главная героиня романа Элизабет Кри также могла оказаться в рядах проституток. Ее детство прошло на Болотной (неблагополучный район, который населяли бедняки и проститутки). «Девушки с Болотной считаются легкой добычей, но когда некий джентльмен иностранного вида посмотрел на меня именно с таким выражением, я засмеялась ему в лицо и продолжала идти к берегу» [1, с. 9].

Питер Акرويد использует множество достоверных исторических фактов, чтобы создать атмосферу Лондона викторианской эпохи. Он вводит в повествование точное указание улиц и переулков Лондона, которыми именовались улицы в данную эпоху: «Первое убийство произошло 10 сентября 1880 года на Лаймхаус-рич; как подразумевает вторая часть названия, означающая колена реки, это старинный проулок, который ведет от короткой и невзрачной, но оживленной улицы к лестнице из камня, спускающейся к Темзе... Еврейский квартал Лаймхауса состоял из трех улиц по ту сторону Рэтклиф-хайвей; его жители, как и жители окрестных районов, называли этот квартал Старым Иерусалимом» [1, с. 8].

Кроме того, писатель обращает внимание на визитную карточку современной Англии – ее туманы, дожди, непогоду. «Ранней осенью 1880 года, непосредственно перед возникновением Голема из Лаймхауса, стояла чрезвычайно сырая и холодная погода. Печально известные туманы – „гороховые супы“, так выразительно запечатленные Робертом Льюисом Стивенсоном и Артуром Конан Дойлом, были густы и темны как раз настолько, чтобы оправдывать свою литературную репутацию; но что беспокоило лондонцев больше всего – это вкус и запах тумана. Их легкие точно были забиты сгустками угольной пыли, языки и носоглотки распухли от того, что называли „шахтерской слизью“» [2, с. 56]. Викторианский Лондон был перенасыщен выбросами сгоревшего угля, угольным смогом. Углем топили дома, разжигали камин и печи, на угле работала вся промышленность и железная дорога. «Города были под постоянным дымовым облаком, не пропускавшим солнце» [1, с. 19].

Исходя из теории постмодернизма, в романе отразилась яркая стилизация под викторианских писателей: под произведения Диккенса, эссе Гиссинга и др. Но особо ярким примером может служить стилизация под роман У. Теккерея «Ярмарка тщеславия». Так, речь кокни (речь лондонских низов) похожа на речь

Элизы Дулиттл («Ярмарка тщеславия»). Стилизованное воссоздание судебного процесса над Элизабет Кри пересекается с традициями Диккенса, который был судебным репортером. А также здесь присутствует жанровая стилизация, а именно воссоздание стиля дневника, драматического диалога, газетных объявлений, судебных допросов, исповеди и т. д.

Таким образом, описания исторически достоверной жизни англичан эпохи Викторианства выполняет двойную функцию: с одной стороны, действительно воссоздает атмосферу Лондона XIX века, насколько ее можно реконструировать в литературных и документальных текстах, с другой – является литературной полемикой с традиционным представлением, сложившемся на основе викторианской литературы, о викторианском обществе [2, с. 300].

Бесспорно, в произведении П. Акройда мы можем наблюдать и специфику бытовой и нравственной жизни англичан. Англия эпохи королевы Виктории описывается с определенной долей авторской иронии и сарказма. Такие черты английского характера, как жесткая экономия, доходящая до абсурда, чопорность, феномен «английскости», мнимая религиозность и набожность, ложная добродетель и добропорядочность показаны резким контрастом на фоне официальной идеологии викторианской эпохи. На резком контрасте автор показывает и викторианский Лондон, где сочетаются грязь и нищета кварталов для бедняков и респектабельность центральных лондонских улиц. В традициях постмодернистской игры и стилизации П. Акройд описывает образ главной героини – Элизабет Кри. Ее жизнь становится также своеобразным контрастом: с одной стороны, мы видим образ театральной актрисы, вырвавшейся из низов общества, добропорядочной и респектабельной супруги (что особо приветствовалось в эпоху викторианства и считалось основным критерием для любой леди) и образ маньяка-убийцы, считавшего каждое свое преступление произведением искусства. П. Акройд на символическом уровне в образе главной героини подчеркивает двойную мораль викторианской Англии: внешняя добропорядочность Элизабет и скрытая сущность убийцы. Двойная мораль, бесспорно, процветала во всех сферах английского общества XIX в.

Библиографический список

1. Акройд, П. Процесс Элизабет Кри / П. Акройд ; пер. с англ. Л. Ю. Мотылева. – М. : АСТ, 2009. – 352 с.
2. Ахманов, О. Ю. Жанровые стратегии Питера Акройда в романе «Процесс Элизабет Кри» / О. Ю. Ахманов, Л. Ф. Хабибуллина // Дергачевские чтения - 2008. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Проблема жанровых номинаций : материалы IX Международной научной конференции. – Екатеринбург, 2009. – Т. 2. – С. 296–305.